

**Генеральная Ассамблея
Совет Безопасности**Distr.: General
6 November 2017

Original: Russian

Генеральная Ассамблея
Семьдесят вторая сессия
Пункт 99(1) повестки дня
**Всеобщее и полное разоружение: осуществление
Конвенции о запрещении разработки,
производства, накопления и применения
химического оружия и о его уничтожении**

Совет Безопасности
Семьдесят второй год

**Письмо Постоянного представителя Российской Федерации
при Организации Объединенных Наций от 31 октября
2017 года на имя Генерального секретаря**

Настоящим имею честь препроводить предварительные российские оценки седьмого доклада Совместного механизма Организации по запрещению химического оружия — Организации Объединенных Наций по расследованию случаев применения химического оружия в Сирии (см. приложение).

Российские специалисты продолжают изучение доклада Совместного механизма по расследованию. Результаты будут в ближайшие дни доведены до международной общественности.

Буду признателен за распространение настоящего письма и приложения к нему в качестве документа Генеральной Ассамблеи (по пункту 99(1) ее повестки дня) и Совета Безопасности.

(Подпись) В. Небензя

Приложение к письму Постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединенных Наций от 31 октября 2017 года на имя Генерального секретаря

Предварительные российские оценки седьмого доклада Совместного механизма Организации по запрещению химического оружия — Организации Объединенных Наций по расследованию случаев применения химического оружия в Сирии

Уже при первом ознакомлении с докладом бросается в глаза, что расследование проводилось с грубыми отступлениями от высоких стандартов Конвенции о запрещении химического оружия, выразившимися в отказе от расследования на месте, несоблюдении последовательности действий при обеспечении сохранности доказательств («chain of custody»), неиспользовании всех доступных методов и методик расследования, доверчивом отношении к показаниям неустановленных свидетелей, присутствие которых в Хан-Шейхуне утром 4 апреля 2017 года ничем не подтверждено, и т. п. Разумеется, многие эти недостатки были «унаследованы» Совместным механизмом по расследованию от миссии Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) по установлению фактов, которая не сумела «по горячим следам» обеспечить качественное расследование и даже намеренно отказалась от посещения Хан-Шейхуна, несмотря на имевшиеся, как теперь стало известно, гарантии безопасности. Тем не менее у Совместного механизма были все возможности для устранения недоработок миссии ОЗХО, но он этим не воспользовался.

Если внимательно прочитать доклад, то его трудно назвать профессионально подготовленным. Скорее, он носит любительский характер и основан преимущественно на предположениях и избирательном использовании фактов.

Отмечаем, в частности, серьезные изъяны в обосновании тех или иных выводов. Характерными в этом плане являются результаты расследования инцидента в Умм-Хоше. Ответственность за него возложена на «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) только на том основании, что другие действовавшие в этом районе вооруженные неправительственные формирования в отличие от ИГИЛ «никогда не были замечены в использовании иприта» (п. 36, абзацы (e) и (f)). Методология, прямо скажем, дилетантская. Она не делает чести экспертам Механизма.

Что касается проделанной Совместным механизмом следственной работы по Хан-Шейхуну, то здесь по-прежнему сплошные вопросы, а вразумительных ответов так и нет. В докладе присутствуют лишь голословные утверждения со ссылкой на «вещественные доказательства», полученные от всё той же оппозиции и аффилированных с ней неправительственных организаций, на мнения и оценки неких анонимных «независимых» институтов и экспертов.

Складывается впечатление, что Совместный механизм по расследованию «с ходу» принял в качестве основной именно «авиационную» версию и проигнорировал доводы в пользу постановочного и провокационного характера произошедшего в Хан-Шейхуне, которые неоднократно озвучивались сирийской и российской сторонами, в том числе в ходе непосредственных контактов с руководством и экспертами Механизма. Основной аргумент Совместного механизма против версии о провокации боевиков — не нашлось, мол, свидетелей закладки емкости с заринном и взрывного устройства (п. 41) — выглядит просто несолидно. Кто же будет осуществлять провокационные действия при свидетеле-

лях? Можно было бы ожидать более серьезного обоснования, но его в докладе нет.

Подтвердить или опровергнуть версию об авиабомбе могло бы тщательное обследование авиабазы «Шайрат» с отбором проб на наличие следов зарина. Совместный механизм же в течение нескольких месяцев упорно отказывался от такой поездки. В октябре 2017 года, после многократных приглашений сирийцев, эксперты Механизма всё же съездили на «Шайрат», но пробы отбирать отказались, сославшись на нехватку специалистов и оборудования (п. 52). И это притом, что в их распоряжении были профессионалы из ОЗХО и имевшееся в Дамаске на ответственном хранении необходимое оборудование. Дело было только за принятием руководством Механизма соответствующего решения, но таковое не состоялось либо из-за отсутствия политической воли, либо из-за давления на Механизм извне. В итоге участие ОЗХО в этом визите свелось лишь к обеспечению охраны здоровья («safety») своих коллег из Совместного механизма — видимо, на некий непредвиденный случай (п. 56).

Отказ от взятия проб на авиабазе «Шайрат» объясняется в докладе и тем, что если использовался лишь один химический авиационный боеприпас, то «вероятность обнаружения следов зарина или продуктов его распада на авиабазе такого масштаба крайне мала» (п. 52). На самом же деле все места возможного хранения на этой авиабазе химических боеприпасов были уже давно известны, поскольку на ней находился объект по хранению химического оружия, заявленный сирийцами в своем первоначальном объявлении, а сама она была в свое время «вдоль и поперек» проинспектирована и «санирована» ОЗХО (уничтожен ангар, предназначенный для снаряжения боеприпасов боевыми отравляющими веществами).

Вызывают большое сомнение и другие выкладки доклада. Так, в документе упоминаются (приложение II, п. 58) якобы найденные в воронке от взрыва осколки «похожего на химическую авиабомбу» боеприпаса, извлеченные опять-таки неустановленными лицами, т. е. без соблюдения процедуры последовательности действий при обеспечении сохранности вещественных доказательств («chain of custody»). Это, как признают и сами эксперты Совместного механизма по расследованию, обесценивает значение для следствия соответствующих осколков. В то же время акцентируется внимание на присутствии на фотографиях воронки неких деформированных металлических фрагментов якобы авиабомбы, включая «крышку заливной горловины» со следами зарина, которые, как оказывается, еще и «уникальным образом соответствуют» сирийским химическим авиабомбам. Вывод, по мнению Совместного механизма, напрашивается сам собой, тем более что на этих фрагментах просматриваются и остатки армейской зеленой краски. То есть в одном случае признаётся, что осколки не могут служить вещественными доказательствами, а в другом аналогичные металлические фрагменты рассматриваются в качестве неоспоримого свидетельства. Вероятность того, что они были привезены из другого района Сирии и подброшены в воронку, даже не рассматривается. И это всё с претензией на профессионализм и беспристрастность.

Подводят авторы доклада также к тому, что взятые в Хан-Шейхуне пробы содержат химические маркеры и специфические вещества, которые-де использовались только в военно-химической программе Сирии. В то же время абсолютно не принимается в расчет то обстоятельство, что соответствующая сирийская рецептура и технологии уже давно не секрет: они подробно расписаны в переданном Дамаском в ОЗХО в 2013 году первоначальном объявлении по Конвенции о запрещении химического оружия. На основе этой рецептуры якобы «сирийский» зарин мог быть произведен на территории любого государства из числа «друзей Сирии». Кроме того, не стоит забывать и о том, что часть вы-

везенных из Сирии прекурсоров зарина уничтожалась в том числе на американском специализированном судне «Кейп Рэй» в Средиземном море.

Справедливости ради стоит отметить, что Совместный механизм по расследованию всё-таки обратил внимание на целый ряд нестыковок в «разрекламированных» по всему миру видеоматериалах об оказании первой помощи пострадавшим в Хан-Шейхуне. Отмечается, в частности, что 57 из 247 случаев обращения в медицинские учреждения с симптомами отравления заринем были документально зафиксированы в медучреждениях по времени раньше, чем произошел сам химический инцидент. Механизм даже не стал разбираться, как это могло произойти, предположив, что медицинская документация оформлялась в спешке и потому время госпитализации было указано ошибочно. Однако такое могло произойти в одном, двух или нескольких случаях, но никак не в каждом четвертом. Думается, что масштаб этих нестыковок однозначно свидетельствует в пользу постановочной версии химинцидента, в осуществлении которого из-за небрежной подготовки произошли массовые сбои. Некоторые из пострадавших, как следует из документа, умудрились еще до инцидента обратиться в больницу, расположенную в 125 км от Хан-Шейхуна.

Следователи Механизма обратили внимание на появление «в нужное время» в Хан-Шейхуне хорошо экипированных в костюмах радиохимбиозащиты иностранного производства людей, которые действовали весьма непрофессионально при отборе проб на наличие следов зарина. Отметил Совместный механизм также и путаницу с анализами биологических проб. Но при этом, несмотря на настойчивые обращения с российской стороны, он не осмелился объяснить причины, по которым у якобы пострадавших от зарина в Хан-Шейхуне детей на фотографиях зрачки оказались не суженными, как при применении этого отравляющего вещества, а расширенными, что характерно при воздействии психотропных веществ.

Без комментариев специалисты Механизма оставили то обстоятельство, что аффилированные с внесенной в санкционные списки Совета Безопасности «Джабхат ан-Нусрой» пресловутые «Белые каски», будто бы наладившие «систему раннего оповещения» об авиаударах сирийских военно-воздушных сил, заранее знали, что поднявшийся в воздух с авиабазы «Шайрат» самолет якобы снаряжен боеприпасами с химической начинкой. Удивительная осведомленность, не правда ли?

Сплошные нестыковки. Не в них ли следует искать ответы на многие вопросы о том, что же в Хан-Шейхуне в действительности произошло? Однако вывод Совместного механизма по расследованию сводится к иному: эти несоответствия не могут ставить под сомнение виновность в применении зарина сирийских правительственных сил.

Выдвигая такие обвинения против суверенного государства — члена Организации Объединенных Наций на основе поверхностного дистанционного расследования, Совместный механизм по расследованию, похоже, не вполне отдавал себе отчет в мере своей ответственности за подобные умозаключения. Ни один уголовный суд подобную «доказательную базу» к рассмотрению не принял бы. Почему-то на международной арене такой, мягко говоря, упрощенный подход многими воспринимается как норма. И вместо серьезного детального анализа доклада рефреном звучат лозунги о «независимости, беспристрастности и высоком профессионализме» Совместного механизма. Такие высокие оценки должны быть подкреплены безупречными результатами расследования, а с этим дела у Механизма обстоят плохо.

Российские специалисты продолжают изучение технических аспектов доклада Совместного механизма по расследованию. Результаты этой работы будут в ближайшие дни доведены до международной общественности.
